

да нерѣшимъ имѣлъ предъ глазами картину многихъ добродѣтельныхъ смертныхъ шенающихъ въ несчастіи и бѣдноти, когда между тѣмъ другіе наслаждаются счастьемъ недосшойны будучи онаго, и отвѣпнѣ мудреца рѣшить сомнѣнія не могъ. Для чего же такая неспройность спросилъ онъ?
 Всемогущій шо знаешь ; да будетъ блаословенъ Всемогущій. По сему я не мѣю надѣяться , продолжалъ молодой человекъ , что бы ты мнѣ сказалъ для чего я несчастливъ? Сдѣлавъ сей послѣдній вопросъ почувствовалъ онъ нѣкоторое облегченіе, ибо прочіе были шокмо предверіемъ разлаголствія. . . . Я въ состояніи буду удовлетворить швое любопыство Омаръ, если ты приведешь меня въ тѣ самыя обстоятельство, въ которыхъ ты находишься ; если ты мнѣ себѣ объяснишь покрайней мѣрѣ я могу тебѣ сказать ошѣ тебя ли несчастіе швое происходитъ? подлинно нѣшѣ , отвѣчалъ Омаръ, я богатъ, имѣю при дворѣ друзей ; прекрасныя женщины въ Багдадѣ ко мнѣ шлагосклонны: я наслаждаюсь всѣмъ, однакожъ жизнь для меня шягостна. Какъ же жизнь для меня шягостна. Какъ же и для него не могу я достигнуть благополучія?
 Можешь Омаръ, если захочешь лишишь себя шого, чемъ ты наслаждаешься, а наслаждаешься шѣмъ, чего ты самъ себя лишаешь. . . . Опъ меня ли сіе зависишь, отвѣчалъ съ негодованіемъ Омаръ. Что же развѣ ты ничего лучшаго не скажешь? Нѣшѣ, Омаръ